

— Так тому и быть. Назначим Гоу Вэй на должность главы Министерства чинов. Гоу Вэй всегда отличался исполнительностью, да и я верю в его способности.

Гоу Вэй с бесстрастным лицом вышел вперед. Из-за врожденных рыбьих глаз по его лицу невозможно было понять, рад ли он повышению.

— Благодарю Ваше Величество за великую милость. Ваш слуга приложит все усилия, чтобы разделить с Вами государственные заботы.

На людях Гоу Вэй сохранял истинный нейтралитет: он не примыкал ни к императору, ни к главному канцлеру, ни к государственному наставнику. Чу Лань всегда помнил наставления Чу Цзюся: он — император Чуцзин. Такие люди, как Гоу Вэй, упрямы по своей природе и никогда не станут якшаться с продажными чиновниками вроде Фань Вэньфана, так что их вполне можно использовать.

То, до чего додумался Чу Лань, разумеется, понимали и Цзин У, и Фань Вэньфан. Цзин У было всё равно, а Фань Вэньфан лишь досадовал, что его собственный человек оказался бестолковым. К тому же, раз уж юный император не стал слепо проталкивать своих людей, это уже можно считать уступкой — стоило вовремя остановиться.

Золотое солнце освещало ярко-желтую черепицу дворцовых крыш. Величественные ворота распахнулись, и министры потянулись наружу небольшими группами. Гоу Вэй покинул зал Чаоян в одиночестве.

Левый помощник министра, господин Ван, с натянутой улыбкой преградил ему путь и сложил руки в приветствии:

— Поздравляю. На улицах нынче темновато, не забудьте вовремя вернуться домой.

Гоу Вэй холодно посмотрел на него своими рыбьими глазами. Опять за свое?

У него от рождения были такие мертвенно-бледные глаза, в которых не отражалось ни искры жизни. Однажды, вернувшись домой поздней ночью, он повстречал шестилетнего ребенка. Тот, взглянув ему в лицо, залился горячими слезами от ужаса. Прозвище пугающие рыбы глаза закрепилось за ним на долгие годы, и тема раннего возвращения домой не сходила с уст его коллег.

Гоу Вэй с каменным лицом медленно ответил:

— Моя супруга ждет меня в усадьбе, так что я вернусь домой в положенное время. Господину Вану тоже стоит поторопиться.

Этот Мин Чэнь — мастер только и делать, что следить за чужими семейными делами! Господин

Ван стиснул зубы:

— Разумеется.

Не сумев задеть Гоу Вэй словом, господин Ван в сердцах взмахнул рукавами и удалился.

Гоу Вэй проводил его спину равнодушным взглядом, размышляя: не стоит ли подкинуть ему задачку посложнее? Однако Фань Вэньфан — покровитель этого человека — был опасен, и связываться с ним сейчас было делом хлопотным. Решив пока отложить счета, Гоу Вэй спрятал руки в широкие рукава и неспешно зашагал прочь.

Чу Лань направился в дворец Цыань, где жила Вдовствующая императрица Чжоу. Эти покои, вопреки ожиданиям, не утопали в роскоши — напротив, они были обставлены весьма изысканно, напоминая дом книжника, а не обитель императрицы.

Вдовствующая императрица родила Чу Ланя в двадцать два года, а вышла замуж в пятнадцать. Сейчас ей было всего тридцать семь, и благодаря тщательному уходу она выглядела едва ли на тридцать. Вдовствующая императрица Чжоу терпеть не могла кричащих тонов, одевалась скромно, а черные волосы закалывала парой золотых шпилек в виде фениксов.

— Сын приветствует матушку.

Вдовствующая императрица жестом отослала слуг:

— Садись, Ваше Величество.

Чу Лань без церемоний опустился на стул. Если уж матушка его позвала, добром это не кончится, поэтому он решил устроиться как можно удобнее.

Вдовствующая императрица не любила ходить вокруг да около:

— Ваше Величество, есть ли новости по поводу главы Министерства чинов?

Чу Лань холодно взглянул на нее:

— Вмешательство женщин в дела государства запрещено.

Вдовствующая императрица на мгновение осеклась:

— Чжоу И — твой родной дядя, он умен и талантлив. Ты его племянник, кому еще он поможет, если не тебе?

Левый помощник министра Ведомства работ Чжоу И происходил из рода Вельможи-хранителя границ и был родным братом Вдовствующей императрицы. В годы правления императора Чэнсюаня, когда власть была сосредоточена в руках главного канцлера Фань Вэньфана, на род Вельможи-хранителя границ обрушились репрессии. Теперь из них при дворе служили лишь Чжоу И с отцом да несколько дальних родственников на незначительных должностях.

Мнение Чу Ланя о роде Вельможи-хранителя границ полностью совпадало с мнением его дяди-регента: трудно сказать, верен Чжоу И или предатель. Именно из-за этой подозрительности они долгие годы занимали неловкое положение при дворе, не получая значимых постов.

— Я уже принял решение, кандидатура утверждена, матушке не стоит больше об этом упоминать.

Чу Лань не желал, чтобы, пока он борется с пытающимся захватить трон старым канцлером, его еще терзали проблемы из-за чрезмерного усиления родственников со стороны матери.

— Матушке лучше оставаться в дворце Цыань. Великая принцесса тоже достигла возраста невесты, это потребует вашего внимания.

Скрытый смысл был понятен: занимайся тем, что положено, и не суй нос туда, куда не следует.

Вдовствующая императрица осталась недовольна:

— Я уже говорила, что старший сын в семье графа Чэнцзэ — отличная кандидатура, но регент почему-то против. Попробую заняться этим — плохо, не буду заниматься — тоже не так.

Чу Лань едва не сплюнул кровь от ярости. Если бы не воспитание, он бы выругался. Не Минчжи был доверенным лицом регента, а значит, и доверенным лицом самого императора. Вдовствующая императрица так боялась, что трон под сыном стоит слишком твердо, что готова была подставить его при любой возможности.

В молодости Вдовствующая императрица слыла известной красавицей и поэтессой, именно поэтому император Чэнсюань сделал ее наследной принцессой. Вероятно, он и представить не мог, что она, будучи талантливой женщиной, на деле живет одними лишь романтическими грезами. Жизнь ее была легкой, и это сделало ее характер мягким, что никак не вязалось с высоким статусом, а ума для политики ей явно не доставало.

Чу Лань с усталостью взмахнул рукой:

— Не Минчжи не подходит, он уже помолвлен.

Вдовствующая императрица, казалось, была готова к этому:

— Раз не Минчжи, то Чжоу Цзыхэн подойдет? Я видела этого юношу, он хороший, никаких предосудительных связей у него нет, а о карьере он мне говорил, что не слишком печется.

Этим можно было обмануть Вдовствующую императрицу, но Чу Лань ни на грош не верил в искренность Чжоу Цзыхэна — тому уже восемнадцать, а он ни в литературе, ни в боевых искусствах не преуспел.

Чу Лань подавил прямолинейный отказ:

— Спешить не стоит, я еще подумаю.

— Чего тут думать? Цзыхэн тебе двоюродный брат, неужели он обидит Чу Юань? — тон Вдовствующей императрицы стал жестче.

Мягкая на вид, но с острыми иглами внутри.

Обеих принцесс воспитывала великая вдовствующая императрица под надзором регента, и мать про них обычно не вспоминала. И так было ясно: ее подговорил Чжоу И.

Как же тяжело мне живется! — каждый раз думал Чу Лань, покидая дворец Цыань.

— Я обдумую это. Если больше ничего нет, я пойду.

Вдовствующая императрица разозлилась на его равнодушие:

— Это все регент нашептал? Кто не знает, так подумает, что это он здесь император!

Чу Лань, чье самообладание почти иссякло, холодно взглянул на нее:

— Матушка, от кого бы вы это ни услышали, я не хочу слышать подобные слова второй раз. Я занимаю это место благодаря дяде, но страна Чуцзин принадлежит роду Чу, а не роду Чжоу. Пока я сижу на троне, вы будете оставаться в статусе Вдовствующей императрицы. Хорошенько подумайте об этом.

Вдовствующая императрица ошеломленно смотрела в спину удаляющегося Чу Ланя. Спустя долгое время она вздохнула. Ладно, пускай всё идет как идет, лучше она вернется к своим сборникам стихов.

Чу Цзюсюй и Чу Лань были очень близки, и если жизнь Чу Ланя была нелегкой, то Чу Цзюсюй приходилось еще хуже. За время пути на него совершили уже более десяти покушений. Как бы силен ни был Чу Цзюсюй, он не из стали — острая стрела глубоко вошла в плечо, благо, на наконечнике не было яда.

За эти годы ранения стали для него привычным делом, и старый евнух проворно обрабатывал рану.

На лбу Чу Цзюсюя выступил пот, но, глядя на скорбную мину евнуха, он усмехнулся:

— Ван, у меня всего лишь стрела в плече, а не в сердце, чего ты так расстроился?

Евнухи Ван и Пань когда-то служили покойному императору. После его смерти Ван перешел к Чу Цзюсюю, а Пань — к Чу Ланю.

Евнух Ван сплюнул на землю:

— Ваше Высочество, как можно шутить собственной безопасностью!

Понимая, что его рана напугала старика, Чу Цзюсюй притих. Ван наложил повязку и помог ему одеться.

Взгляд Чу Цзюсюя упал на стоявшего рядом юношу в черном:

— Выяснил?

Некоторые дела при дворе решать было неудобно, поэтому Чу Цзюсюй создал в мире боевых искусств секту, специально предназначенную для расправы с теми, кто помогал Фань Вэньфану в заговоре. Хуа Юньгэ был правым защитником этой секты и доверенным лицом регента.

— Нашел две точки: поместье Цанцзянь и гору Чжуанцзин. Нынешнее покушение — дело рук людей из Цанцзянь, — Хуа Юньгэ, сжимая рукоять меча, нахмурился. — Пока удалось обнаружить лишь эти две не самые крупные силы в мире цзянху. Ваше Высочество, прикажете действовать сейчас или копать дальше?

— Действовать сейчас, — холодно усмехнулся Чу Цзюсюй. — Старый пес Фань Вэньфан даже собственных сыновей подозревает, чего уж говорить об остальных. Кроме него, никто не знает, какими силами он располагает. Копать дальше бессмысленно. Чтобы не возникло лишних проблем, отправляйся с людьми на гору Чжуанцзин, а я возьму на себя поместье Цанцзянь.

Евнух Ван обеспокоенно спросил:

— Ваше Высочество, а ваши раны?

Чу Цзюсюй отмахнулся:

— Это не приступ месячных игл, ничего страшного.

Чу Цзюсюй страдал от яда, который давал о себе знать раз в месяц. Боль была невыносимой, словно тысячи мягких игл пронзали плоть и жилы, отчего яд и получил свое название.

Чу Цзюсюю это название не нравилось, и он дал ему свое: Месячные иглы.

Мир двора и мир боевых искусств всегда были разделены, но с тех пор как Фань Вэньфан протянул свои руки к цзянху, границы между ними размылись.

— В мире боевых искусств полно тех, кто не уважает старого пса Фань Вэньфана. Поместье Цанцзянь и гора Чжуанцзин для него наверняка много значат, так что стоит того, что я выступил приманкой и получил эту стрелу.

Чу Цзюсюй внезапно обернулся к евнуху Вану:

— Я тут питаюсь кое-как, мерзну под дождем, рискую жизнью и получаю ранения, и все ради того, чтобы наш «малыш» усидел на своем месте. А он там, при дворе, объедается деликатесами, да еще и нервы мне треплет. Неблагодарный мальчишка!

Малыш — это детское прозвище императора, и никто, кроме Чу Цзюсюя, не смел его так называть. Чу Лань старался не думать о том, что скажут потомки, узнав, что государь такой великой державы носил прозвище «малыш».

Евнух Ван опустил голову, притворившись, что не слышит жалоб регента, и уклончиво ответил:

— Ваше Высочество, когда вы уезжаете на столь долгий срок, Его Величество наверняка очень о вас беспокоится.

— Только не это, — Чу Цзюсюй поспешно замахал руками. — Пусть лучше не вспоминает. У него забот больше, чем у моей будущей супруги. Если бы на моем месте был кто другой, он бы давно сломал этому щенку ноги.

В детстве Чу Ланя постоянно пытались убить. Вдовствующая императрица заботилась лишь о своем роде, поэтому Чу Цзюсюю приходилось день и ночь охранять племянника, из-за чего Чу Лань стал сильно зависеть от него.

Чу Цзюсюю вовсе не обязательно было ехать на границу, но, видя состояние Чу Ланя, он отправился в путь без лишних слов. По его собственным словам: «Я уже не произвожу молока, а император уже вышел из того возраста, чтобы его пить».

Под присмотром регента император не сбился с пути — заслуга наставника была неоспорима.

Глубокой ночью в одной большой усадьбе мужчина средних лет сидел за столом, нервно постукивая пальцами по столешнице:

— Есть новости?

Юноша, стоявший перед ним, был бледен:

— Все провалились, большая часть людей поместья погибла. Отец, пора завязывать.

Глава поместья вздохнул:

— Поместье уже глубоко в этом погрязло, просто так не уйти. Этим мы обязаны тому человеку, теперь пути назад нет. Остается только идти ва-банк.

— Глава поместья — воистину преданный пес.

Внезапный голос напугал обоих. Мужчина вскочил, выкрикнув:

— Кто здесь?

Дверь вылетела с петель. Чу Цзюсюй, сопровождаемый евнухом Ваном, вошел внутрь:

— Мой путь был столь полон приключений во многом благодаря стараниям господина главы. Неужели вы не знаете, кто я такой?

Лица отца и сына изменились. Они выхватили мечи и бросились на Чу Цзюсюя, но евнух Ван, обнажив мягкий меч, преградил им путь.

В тишине двора зазвучал лязг оружия, раздались крики, и вскоре охранники начали падать один за другим, орошая землю кровью.

Чу Цзюсюй, развалившись в кресле, подперев подбородок рукой, смотрел на стоявших на

коленях отца и сына:

— Говорите, кто за вами стоит?

Конечно, он знал, кто стоит за поместьем, но доказательств не было.

Мужчина прохрипел:

— Это государственный наставник.

Чу Цзюсюй рассмеялся:

— Почему бы тебе еще не сказать, что это лысые монахи из Храма Защиты Государства? Неужели я похож на дурака?

Государственные наставники Чуцзина всегда были выходцами из Храма Защиты Государства, а нынешний наставник Цзин У был младшим братом настоятеля и высокопоставленным дядей в иерархии храма.

Видя, что отец и сын снова молчат, Чу Цзюсюй махнул рукой:

— Похоже, вы не из тех, кто сознается до гроба. Привести их!

Несколько людей в черном вывели двух женщин и двух детей. Лица пленников побледнели.

Чу Цзюсюй посмотрел на тощего мальчика, брыкавшегося в руках черного стражника:

— И Вэнь, где ты выловил эту обезьянку?

Мальчик замер, в его голове билась одна мысль: обезьянка?

И Вэнь, тайный страж Чу Цзюсюя, держал худого, словно цыпленок, ребенка:

— Сын главы поместья.

Взгляд Чу Цзюсюя скользнул от мальчика к пухленькому белолицему ребенку по соседству:

— Сын и внук родились одновременно, двойная радость.

Евнух Ван и И Вэнь хранили молчание. Оказывается, и так можно сказать.

— Он не мой отец! — упрямо выкрикнул мальчик.

Чу Цзюсюй снова посмотрел на него:

— С характером! Отца отрёкся, ну точно, посильнее нашего «малыша».

Ваше Высочество, умоляю, не говорите этого при Его Величестве, иначе в императорском дворце будет шумно, — мысленно взмолился евнух Ван.

Взгляд упал на изможденную женщину:

— Лянь Синь?

Женщина рухнула на колени, ее спина, тонкая, как хворост, прогнулась в поклоне:

— Ваше Высочество, это я.

Когда-то Лянь Синь была главной служанкой Чу Ланя, доверенным лицом, спасенным еще при прежнем императоре. Никто не мог подумать, что она работает на главного канцлера. Лянь Синь однажды пыталась отравить Чу Ланя по приказу Фань Вэньфана, но, в последний момент дрогнув, подменила яд на снотворное. К несчастью, это снотворное испробовал на себе Чу Цзюсюй.

После этого дворец подвергся чистке, а Лянь Синь исчезла без следа — чьих это рук дело, было очевидно. В каком-то смысле она была должницей обоих.

Слезы Лянь Синь капали на пол:

— Я знала, что поместье ждет гибель. Но мой сын с рождения не видел здесь ничего хорошего, глава поместья даже не смотрел в его сторону, позволяя другим издеваться над ребенком. Ваше Высочество, ради того, что я служила вам с Его Величеством, молю, пощадите моего сына.

Она вскинула руку — и спрятанный в рукаве кинжал вонзился ей прямо в сердце. Она не оставила себе ни шанса на выживание.

— Мама! — мальчик, вырвавшись из рук стражника, бросился к ней.

— Унести и похоронить, — Чу Цзюсюй отвел взгляд.

Тело и мальчика унесли.

Чу Цзюсюй посмотрел на толстячка:

— Кто приказал вам убить меня?

Присутствующие побледнели, мальчик задрожал под его взглядом.

Глава поместья опустил голову и промолчал, слегка прикусив язык.

Чу Цзюсюй, почувствовав неладное, схватил его за волосы и поднял голову: изо рта того хлынула кровь, и через несколько мгновений он затих навсегда.

И Вэнь опустился на одно колено:

— Виноват, я не досмотрел.

Чу Цзюсюй махнул рукой:

— Встань, я и сам не ожидал.

Он посмотрел на невозмутимого юношу:

— Ты тоже не скажешь? Тогда мне придется прервать ваш род. Кстати, есть еще одна «обезьянка», ничего, отправим его во дворец — будет евнухом.

Его Величество точно не захочет его видеть, — подумал евнух Ван.

— Я не знаю, — наконец выдавил из себя юноша. — Этот человек всегда приходил только к отцу, я никогда не видел его лица, а отец никогда не рассказывал.

Что ж, он говорит правду. Чу Цзюсюй отвел взгляд. Фань Вэньфан, старый пес, действительно был осторожен.

— Раз толку от них нет, убейте всех.

Вспыхнул клинок, и на полу осталось три трупа.

Чу Цзюсюй поднялся:

— Пойдемте.

Поместье Цанцзянь было предано огню.

На выходе из поместья Чу Цзюсюй увидел белую фигуру, стоявшую в лунном свете:

— О, да это наш государственный наставник. Неудивительно, что луна сегодня так ярко светит.

Цзин У проигнорировал его слова, сложил ладони и прочел молитву:

— Дети невинны.

— Государственный наставник — настоящий монах из Храма Защиты Государства, сама доброта, — холодно усмехнулся Чу Цзюсюй. — По законам империи за попытку захвата трона полагается казнь девяти колен. Я не стал преследовать всю родню, проявил милосердие. Наставник так добр, но я не надеюсь, что вы отдадите жизнь за Чуцзин, просто не мешайте мне защищать его от воров.

Атмосфера стала тяжелой.

Чу Цзюсюй первым нарушил молчание:

— Что наставник делает в такой глуши?

Цзин У ответил отстраненно:

— Мимо проходил.

Чу Цзюсюй рассмеялся:

— Вы держите меня за дурака? До столицы и до храма здесь далеко. Я здесь — и наставник тут как тут. Неужели небеса сжалились и сбросили вас прямо с облаков?

— Нет.

Чу Цзюсюй улыбнулся:

— Вы, наставник, воистину цените свои слова на вес золота. Столичным знатным девам нравится этот ваш полуживой вид, но меня он лишь раздражает. Прошу прощения, мой язык вечно опережает мысли.

Цзин У...

— Ничего.

Евнух Ван вздохнул про себя: бедный наставник, с таким добродушием он просто не мог противостоять бесстыдству регента, который после оскорблений еще и извиняется.

— У наставника есть еще дела? — тон Чу Цзюсюя недвусмысленно намекал: проваливай.

— Регент возвращается в столицу? Можно мне с вами?

— Разумеется.

Чу Цзюсюй был бы дураком, если бы отказался: Цзин У был силен, в случае чего мог прикрыть от стрел. И Вэнь подогнал карету.

Чу Цзюсюй, наблюдая, как Цзин У садится в карету, прищурился:

— Как думаешь, зачем этот монах здесь? «Мимо проходил» — кому он врет? Неужели у него хватило доброты сопровождать меня? Не замышляет ли чего? Чудеса да и только!

Евнух Ван ответил:

— Ваше Высочество, наставник вовсе не лысый.

Чу Цзюсюй, глядя на густые черные волосы Цзин У, доходящие до пояса, хмыкнул:

— Точно, он не плешивый монах. Он — лжемонах, чьи слова всегда двусмысленны.

В императорском кабинете горы бумаг громоздились на столе. Чу Лань, склонившись, строчил отчеты. Чу Цзюсюй считал, что племянник бездельничает во дворце, а Чу Лань считал, что дядя наслаждается свободой, пока он один во дворце заливает чернилами бумаги до рези в глазах.

Чу Лань с грохотом отбросил подписанный документ:

— Ты думаешь, о чем она думает? Вместо того чтобы думать о родном сыне, она постоянно защищает ту родню, которая ей и не такая уж близкая.

— Регент наверняка думает о Вашем Величестве, — осторожно заметил евнух Пань.

Чу Лань хмыкнул:

— Конечно, о ком же еще ему думать? — после чего добавил с грустью: — Лишь дядя и думает обо мне.

<http://bllate.org/book/21929/2278341>